

С.Г. ПАВЛОВ, канд. филол. наук, доцент, НГПУ им. К. Минина, e-mail: sergeypavlov70@mail.ru

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

S.G. Pavlov

LINGUISTIC AND AXIOLOGIC MODEL OF THE HUMAN: METHODOLOGICAL ASPECT

Статья посвящена методологическим основам лингвоаксиологического моделирования. В частности, обсуждаются проблемы исследовательского субъективизма и оценочности суждений, мировоззренческой обусловленности оценок, интерпретации языкового материала и верификации выводов. Статья носит научно-методический характер. Ее главная цель – иллюстрация отдельных моментов исследовательской программы лингвоаксиологического описания и его популяризация среди студенчества и молодых ученых.

Ключевые слова: модель (образ) человека, аксиология, аксиологическая лингвистика, когнитивный анализ, ценность, оценка, интерпретация, верификация.

This article is dedicated to the methodological foundations of linguistic and axiologic modeling. In particular, it discusses the problems of subjectivity in research and evaluation in judgements, ideological conditioning of the assessments, interpretation of linguistic material and verification of the conclusions. The article is scientific and methodological in nature. It's main objective is to exemplify particular points in the linguistic and axiologic description research and promote it among students and young scientists.

Key words: model (image) of a human, axiology, axiological linguistics, cognitive analysis, valuation, evaluation, interpretation, verification.

Модель человека в лингвоаксиологии

Начиная со ставшей классической работы Ю.Д. Апресяна «Образ человека по данным языка» (1995) словосочетание *образ человека* прочно закрепилось в лингвистических работах, хотя и не получило терминологического статуса. (См. [8]). Более строго и солидно выглядит лишенный эмоциональных и смысловых обертонов синонимический вариант *модель человека*. Образ – это отражение характеристик предмета в сознании воспринимающего субъекта. Модель – результат научного анализа, зафиксированный в форме словесного описания, схемы, таблицы, рисунка и т.п. Модель человека и его языковой способности будет различной в зависимости от целей и методов исследования. В настоящей статье представлен один из методологических путей лингвистического моделирования *homo axiologius* – человека в его ценностном измерении.

Ценности – сущность культуры. Сегодня они стали предметом изучения отдельной науки – аксиологии, занимающейся «изучением положительной, нейтральной или отрицательной значимости любых объектов, отвлекаясь от их экзистенциальных и качественных характеристик. Среди типов ценностей, привлекающих наибольшее внимание общей аксиологии – моральные ценности, правовые ценности, ценности научного познания, ценности человеческой истории и социальных теорий, ценности, связанные с природой человека и смыслом его жизни» [7, с. 3]. Возникновение лингвоаксиологии, безусловно, историческая веха в развитии языкознания и общества. Обращение лингвистов к реконструкции аксиосферы не только созвучно общему пафосу антропоцентрической парадигмы лингвистики, с ее пристальным вниманием к человеку, но и диктуется острой социальной необходимостью. Вдохновляющий, конструктивный пафос нуждается в

облагораживающем научные изыскания этосе, который привносится ценностным аспектом лингвистического антропоцентризма.

Не требующая дорогостоящего оборудования и крупных финансовых вливаний, лингвоаксиология работает на фундаментальном уровне культуры – языке и ценностях, что делает ее безальтернативной по экономности и эффективности формой общественного самопознания и диагностики духовно-нравственного состояния социума. Аксиологическая лингвистика, с ее способностью проникновения в сферу коллективного сознания и мотивы индивидуального (речевого) поведения, в недалеком будущем способна превратиться в одну из наиболее востребованных гуманитарных дисциплин.

Лингвоаксиология находится в стадии становления, но уже вполне намечены ее методологические контуры. Профессором В.И. Карасиком, под руководством которого при Волгоградском педагогическом университете функционирует научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика», осуществлена первая в отечественной лингвистике попытка изложить теоретическую программу описания ценностного фрагмента языковой картины мира и культурных доминант [9]. В 2004 г. в Волгограде защищена докторская диссертация, новизна которой, по авторскому определению Е.В. Бабаевой, «состоит в разработке теоретико-методологических основ сопоставительной лингвоаксиологии» [4]. В 2011 г. учеными Иркутского университета выпущена коллективная монография, обобщающая теоретические и методологические основы лингвоаксиологии на материале межкультурной коммуникации [10]. Вкладом иркутской школы является разработка понятийно-категориального аппарата для описания ценностей любого порядка, а не только культурных доминант.

Современная лингвистика постулирует отсутствие жесткого разграничения между отдельными сторонами речевой деятельности и текста. Где язык – там и текст. Где текст – там и семантика, и прагматика, и когниция. Соответственно выводы могут быть представлены в терминах семантики, прагматики, когнитивистики. Характер исследования и его место в номенклатуре лингвистических дисциплин определяются поставленной целью.

Аксиологическая лингвистика – это исследовательский подход, применяемый в рамках целого ряда «лингвистик». В настоящее время существует несколько дисциплин с отчетливо просматриваемым аксиологическим потенциалом – этнолингвистика, лингвокультурология, эколингвистика, анализ социального дискурса, политическая лингвистика, лингвокриминалистика, теолингвистика и др. (Заметим, что аксиологический аспект в них может оставаться и не реализованным). Аксиологическая методология включает обычные лингвистические методики – традиционные (структурно-семантический анализ) и новейшие (когнитивный анализ), – но выводы формулирует в терминах лингвистики, и аксиологии.

Объектом лингвистической аксиологии выступает нерасторжимый комплекс «язык – сознание – общество – культура – человек». Его изучение в зависимости от исследовательского акцента может быть лингвокогнитивным, социолингвистическим и лингвокультурологическим. Лингвоаксиологический предмет – язык, рассматриваемый как средство формирования, выражения и трансляции ценностей. Лингвоаксиология совместима с изучением любых текстов, включая мысленную речь самого исследователя. В качестве направлений исследования можно выделить лингвистическую аксиологию художественного и нехудожественных типов текста (дискурса); социальную аксиосферу (ценности (православного) конфессиолекта, сословий, классов, партий, гендерные, возрастные ценности; ценности профессиональных групп и субкультур); индивидуальную аксиосферу (языковая личность писателя, политика, ученого, героя произведения).

Специфика аксиологической лингвистики в том, что в рамках ее целеполагающих установок полученные общелингвистическими процедурами результаты не самоценны. Задачей аксиологического исследования является выявление ценностного компонента

языковой единицы или высказывания. В лингвоаксиологическую плоскость исследование направляется вопросом: какие ценности можно приписать носителю языка, если для него характерны такие-то высказывания, когнитивные механизмы, коммуникативные стратегии и т.п. Целью аксиологического анализа конкретного языка является реконструкция аксиосферы национальной языковой картины мира и аксиосфер различных социальных групп и идиолектов.

Когнитивный анализ и лингвоаксиология

В настоящей статье лингвоаксиологические выводы делаются на основе когнитивного анализа. Если когнитивный анализ ограничивается установлением когнитивных механизмов языка, то аксиологическая интерпретация с необходимостью включает экстралингвистический компонент. Опираясь на выявленные способы концептуализации действительности, исследователь создаёт аксиологическую модель отдельной языковой личности или определенной референтной группы.

Когнитивный анализ выясняет, как осмыслен – концептуализирован и категоризирован – данный фрагмент предметной или абстрактной действительности в языке. Лингвоаксиологический анализ призван выявить среди когнитивных признаков реалии ценностно значимые. Например, слово *легкий* в исходном значении ‘незначительный по весу’ имеет широкую сочетаемость с именами различных физических предметов: *легкий стул, легкое бревно, легкий чемодан* и т.п. Однако признак легкости язык использует далеко не во всех теоретически возможных случаях. Слово *легкий* употребляется в отношении предметов, упоминание о весе которых по каким-то причинам актуально для человека: * *Ветер раскачивал легкую березу*. Так сказать нельзя, потому что вес растущей березы не имеет значения. Она осмысливается через понятие толщины: *Ветер раскачивал тонкую березу*. Не отмечается языком легкость стационарных предметов или неотчуждаемых частей предмета: *легкий ноутбук*, но * *легкий компьютер*, * *легкий дисплей*. Не сочетаются со словом *легкий* и имена заведомо легких вещей (* *легкий карандаш*). Аксиологический анализ начинается там, где заканчивается когнитивный. В общем виде проблема сводится к решению двух вопросов: 1) какую легкость русское языковое сознание признает положительной, а какую отрицательной?; 2) о каких ценностях русских свидетельствует ответ на первый вопрос?

Вне контекста *легкость* осознается положительным свойством. Она мыслится отрицательным признаком вещи, процесса или явления, если в норме они представляются связанными с известными усилиями: *Компромиссы разъедают душу, а легкий успех, если и не кружит голову, то смещает творческий прицел* (А. Довыденко; Национальный корпус русского языка – далее НКРЯ). Житейское наблюдение подметило: легко приобретенное легко теряется. Отсутствие усилий связывается с нарушением негласных этических предписаний и неблагоприятными средствами достижения результата: *Упиваясь легким успехом, он гордо ходил* (И. Гончаров; НКРЯ); *А тут – соблазн анекдота, легкого успеха у тех, кто чтению стихов поэта предпочитает – сплетни о нем* (М. Цветаева; НКРЯ); *Не добиваясь же легкого успеха на эстрадных дешევках (как Евтушенко)* (В. Старков; НКРЯ).

Вопреки ожиданиям *легкая работа* не является приоритетом современных россиян, по крайней мере, жителей Дубны: *То есть мотивация к учебе у дубненцев вполне здоровая и адекватная, равно как и мотивация при выборе места работы, основными условиями которой названы: интересная работа (44%), большая зарплата (30%), комфортные условия труда (12%), престижная организация (7%), свободный режим (6%), легкая работа (1%)* (Е. Маслова; НКРЯ). Легкая работа принадлежит к отвергаемым ценностям, видимо, потому, что не без оснований подозревается в низкой оплате труда. В то же время моральное сознание русских не одобряет получения денег без приложения труда. Выражения *легкие деньги, лёгкий заработок* имеют пейоративную оценку.

В конкретном контекстуальном окружении любая легкость, даже физический параметр предмета, может быть осмыслена этически. В ситуации контрольного взвешивания

на рынке фраза *Сумочка-то легковата будет!* означает недовес и более характеризует нравственное состояние продавца, чем вес сумки.

По нашим наблюдениям, в значении слова *легкий* ‘тонкий, не стесняющий движений, мало, плохо греющий (об одежде)’ развивается семантическая линия, реагирующая на потерю чувства меры и приличия в социуме, допускающем вызывающую откровенность в одежде. По отношению к ней слово *легкий* и его дериваты означают ‘фривольный’, ‘неуместный по этикетным соображениям’: *Ваша блузка чересчур легка для храма; Вы не слишком легко одеты для официального визита?*

Диахронический аспект

Диахронический анализ позволяет увидеть эволюцию языка и общества, что представляет несомненный интерес как для лингвистики, так и для неспециалистов. С помощью НКРЯ нетрудно установить аксиологические хроноглоссы, отмечающие время бытования того или иного языкового факта, отражающего ценностные установки общества.

Выражение *лёгкие нравы*, характеризующее людей или социальные группы с низкими нравственными качествами, устарело на глазах НКРЯ. Все четыре зафиксированных в Корпусе случая как минимум столетней давности: *Ныне Мадлен Стенель написала свои мемуары, в которых описывает легкие нравы, господствующие среди министров, среди политических и финансовых деятелей третьей республики* (Мемуары роковой женщины (1912.03.13) // «Петербургская газета», 1912; НКРЯ); *Легкие нравы, веселые разговоры и дешевые амур!* (А. Куприн. К славе (1894); НКРЯ); *...эта самая русская литература, которая так много тщеславилась своею гордою неприступностью, которая так строго преследовала Булгарина за его легкие нравы, – вдруг соблазнилась на четвертак!* (М. Салтыков-Щедрин. Сенечкин яд (1863-1871); НКРЯ).

В советское время *легкие нравы* были искоренены как социально значимый феномен. В глазах советских поколений *легкие нравы* стали атрибутом буржуазного общества, что обозначалось известным выражением *их нравы*. Возвратившись вместе с либерализацией жизни, *легкие нравы* приобрели респектабельные формы. Например, *гламурные тусовки* в глазах определенных общественных кругов имеют статус престижности, *смена партнеров* объявлена средством самотерапии или даже признаком *comme il faut*, а российское общество уже задумывается о легализации трудовой деятельности *девушек* – представительниц древнейшей профессии.

Языковым рудиментом *легких нравов* остались *женщины легкого поведения*. Отсутствие мужского аналога объясняется большей снисходительностью общества к сексуальному поведению мужчин. Данная аномальная, на наш взгляд, языковая и социальная асимметрия удачно схвачена саркастическим женским афоризмом: *Женщина легкого поведения – это женщина, достигшая нравственного уровня мужчины* (Н. Линн-Десмонд).

Лингвоаксиологическая рефлексия над концептом завершается специфическими выводами. В нашем случае важнейший из них звучит так: анализ репрезентантов концепта «легкость» показывает, что легкость относится к антиценностям в этической области, где слово *легкий* является контекстуальным синонимом безнравственности.

Ценность и оценка

Отдельного обсуждения заслуживают фундаментальные понятия аксиологического анализа – *ценность* и *оценка*. *Ценность* – это положительная или отрицательная значимость экстралингвистического факта (предмета, процесса, события, идеи, чувства, ощущения и т.п.) для конкретного человека, социальной группы или народа. Ценностная система отражает представления культуры о норме (ценности) и отступлениях от нее (антиценности). Исчерпывающей классификации ценностей нет. В наиболее компактных классификациях ценности по типу делятся на материальные и идеальные (духовные), а по содержанию – на религиозные, моральные, эстетические, социальные, экономические, политические.

Ценность целесообразно описывать в виде диады «хорошо vs плохо». Положительное отношение – ценность («хорошо»), отрицательное – антиценность («плохо»). В случае

необходимости вводится уточняющая терминология. Кроме общей оценки «хорошо (положительно) vs плохо (отрицательно)», выделяется пять специальных сфер бытования ценностей: 1) в сфере Истины ценность определяется, т.е. выводится и описывается, через операторы «истинно» vs «ложно»; 2) Этика – операторы «добро» vs «зло»; 3) Эстетика – операторы «прекрасное» vs «безобразное»; 4) Удовольствие – операторы «приятное» vs «отвратительное» [10, с. 29]. Классификация ценностей может быть значительно более дробной. Утилитарная ценность будет описываться диадой «удобно vs неудобно», «полезно vs вредно», эмоционально-интеллектуальная – «интересно vs неинтересно», «умно vs глупо» и т.д.

В настоящее время тезис об аксиологичности человеческого сознания является общепринятым. Оценка – неотъемлемая составляющая когнитивных процессов и соответствующих им правил поведения. Экспериментальная психология показывает, что «люди «автоматически» оценивают как хорошие или плохие “большинство, если не все... объекты и события, как социальные, так и не социальные”» [1, с. 248]. Специфически лингвистический интерес оценивающей деятельности представляют способы ее языкового выражения и описания.

Языковая оценка есть результат закрепления отношения говорящего коллектива к предмету речи. Оценочная лексика отражает аксиологическую позицию говорящего по определению, однако выражение ценностей этим средством не исчерпывается. Ценности номинируются и нейтральными словами (*дружба, прогресс; терроризм, деградация*). Язык обладает огромными, потенциально бесконечными экспрессивно-оценочными возможностями. Ценностно-окрашенным может быть предложение без оценочной лексики: *У нее абсолютно нет чувства юмора; Я тебя спрашиваю: у тебя совесть есть?; Счастье – это когда тебя понимают; Аргентина – Ямайка – 5:0*. Оценочным (ценностно-мотивированным) следует считать высказывание, в котором явно или неявно выражено отношение говорящего к предмету речи или собеседнику.

Признание оценки имманентной акту восприятия заставляет сделать более сильное утверждение: любое высказывание тривиальным образом аксиологично. Это означает, что предложение в целом или отдельные его элементы всегда занимают определенное место на аксиологической шкале «– 0 +»: *Тёща (–) приехала (0) в гости (+)*. Аксиологический знак высказывания в подобном рода случаях не предопределяется общим смыслом, а зависит от контекстуальных и прагматических условий. Слово *тёща* в русской языковой картине мира окрашено негативно, но некоторым повезло.

Конечно же, далеко не каждое высказывание будет интересно для лингвоаксиологического анализа. Как не все тексты попадают в поле зрения лингвиста, так и предмет лингвоаксиологии, в нормальном случае, ограничивается актуальными, с точки зрения исследователя, ценностями или лингвистически привлекательными способами их вербализации. Например, выражение *быть мужчиной* (как правило, в повелительном наклонении) означает императив мужского поведенческого кодекса – быть мужественным, не опускать руки в трудных обстоятельствах, уметь принимать сложные решения и постоять за честь женщины и т.п. Реклама средства «Простамол» отражает сдвиг в стереотипном представлении: *Простамол: просто будь мужчиной!* Аксиологически сильный вывод: духовные и социальные ценности уходят в тень физиологических. Аксиологически слабый вывод: в обществе снят запрет на публичное обсуждение мужской (и женской) физиологии.

Источник и мерило ценностей – человек. Люди разные, поэтому оценки имеют мировоззренческую обусловленность. Из этого следуют важные лингвистические следствия: 1) общеязыковые оценки, отражающие национальные ценности, могут расходиться с индивидуальными и групповыми оценками. Например, смерть для христианского праведника – желанное событие: *Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение* (Фил. 1:21); 2) нейтральные слова и термины в личном лексиконе приобретают ценностное

наполнение: *Марксизм, фрейдизм, дарвинизм – это всё попытки сведения сложного к простому, попытки явно несостоятельные... и вредные* (Д.С. Лихачев).

Итак, ценность принадлежит культуре, оценка – биологическому (когнитивные процессы) и культурному (социальное поведение) модусу существования человека. За языковой оценкой стоит культурная установка носителей языка. Список языковых (контекстуальных) средств выражения оценки принципиально открыт, что делает лингвоаксиологию экстенсивно бесконечной.

Оценочность vs объективность исследования

Лингвист, будучи носителем определенного мировоззрения, не обязан при работе с ценностями быть бесстрастно объективным. Конечно, в научном сообществе в качестве идеала декларируется требование нечувствительности результата к личностным особенностям автора. Реально же добиться того, чтобы на окончательные выводы аксиологического исследования не влияла мировоззренческая позиция исследователя, практически невозможно. Мы считаем, что и не нужно. Необходимы лишь четкие критерии оценочности мировоззренческих суждений и фальсифицируемость (опровержимость) лингвистических, насколько она вообще возможна в гуманитарной науке.

Проиллюстрируем сказанное примером из повести А. Ганиевой «Салам тебе, Далгат!»:

«– У тебя девушка есть?»

Далгат вздрогнул от неожиданности.

– Нет.

– Красавчик, – сказал Мурад, стоя над Далгатом и улыбаясь, – не прелюбодей».

Субъективно-оценочный момент. Если лингвист не желает оставаться над схваткой, он просто должен объявить нравственные координаты своих оценочных суждений (православная, исламская, светская этика и т.п.). Обсуждение самих критериев выходит за рамки языковедческой компетенции и не может быть предметом дискуссии в лингвистической работе. Лингвистический же вывод, на базе которого выставляются оценки за поведение отдельным лицам, социальным группам или целым народам, необходимо аргументировать.

В системе ценностей Мурада целомудрие – ценность, а добрачная связь – антиценность. Для него человек с противоположными взглядами – *прелюбодей*. (Мурад терминологически неточен. Прелюбодей нарушает супружескую верность. Человек, ведущий внебрачную половую жизнь, называется блудником). Большинство современных молодых людей подобные убеждения не разделяет: «Почти 94% студентов обоего пола допускают добрачный сексуальный опыт» [13].

Лингвистическим доказательством этого служит угасание в национальном сознании таких концептов, как «целомудрие» и «блуд». В современном узусе подчеркивается биологическая сторона человека (*секси, сексапильный*); появились эвфемизмы, придающие приемлемость тому, что в традиции религиозной русской культуры носит имя смертного греха (*блуд*), а в советское время неодобрительно именовалось *сожитием* (*половой партнер, пробный брак*); слова *девушка (парень)* и *подруга* развили специфическое значение ‘половой партнер’. Характерно, что общая тенденция не смогла девальвировать аксиологический компонент слова *друг*. Оно сдерживает подозрения о добрачной связи (ср. *Это мой друг – Это мой парень*). Гораздо более приспособлено для выражения данного значения недавнее заимствование *бой-френд*. Следовательно, дружба остается одной из главных ценностей русских, в отличие, например, от ценностей западных людей (См. классическое исследование о моделях русской и американской дружбы А. Вежицкой [5]).

Объективно-научный момент. Русский язык использует область эстетики при осмыслении нравственных и интеллектуальных качеств. В частности, понятие «красота» в данном случае является базовым для нравственной характеристики. В лексиконе Мурада *красавчик* ‘человек высокого нравственного достоинства’. Здесь можно поставить вопрос о

специфичности (универсальности / уникальности) подобной концептуализации. Если описательная работа удовлетворяется изучением одного языка, то специфика познается исключительно контрастивным (сравнительным) анализом.

Для начала следует выяснить наличие в выбранном для сравнения языке аналога русского слова *красавчик*. Обратим внимание на то, что оно употребляется не только по отношению к людям, обладающим высокими нравственными качествами, но и для оценки человека, сделавшего трудное и заслуживающее одобрения, с точки зрения говорящего, дело: *Любая провокация должна караться желтой карточкой. Судья, конечно, красавчик* (НКРЯ).

Далее надо узнать, как переводятся на иностранный язык выражения типа *безобразный поступок, некрасивая выходка, чудовищная ложь, прекрасный человек*. Более трудоемкой работой будет установление в нем продуктивности метафорической модели «эстетика > этика». Здесь потребуются помощь носителя языка или русского, долго проживающего в соответствующей инокультурной среде. В целях объективизации исследования желательно снабдить его статистическими данными, по материалам национальных Корпусов подсчитав количество метафор данной модели. Для детализации исследования и сокращения его объема принято пользоваться ограничителями, вводимыми в формулировку темы, – например, «на материале русск. *красивый / некрасивый* и серб. *lep / обичан*»).

Результаты подобного анализа доступны для проверки другими исследователями. Оценочные экстралингвистические комментарии могут мыслиться лишь исследовательской сверхзадачей. Нельзя превращать их в итоговую результирующую.

Интерпретация и верификация

Язык системен, но не алгоритмичен. Знание только системы (словаря и грамматики) не сообщает полноты коммуникативных навыков. Реальная коммуникация содержит конвенции носителей языка, не предсказываемые семантическими свойствами языковых единиц. Часто в языке не работают и презумпции здравого смысла. В этом плане семантика напоминает парадоксальный микромир квантовой механики. Так, обоняние представляется не самым важным чувством человека, но лишь оно имеет все глаголы для обозначения трех возможных значений: ‘воспринимать’ (*обонять, чують*), ‘восприниматься’ (*пахнуть*) и ‘использовать способность восприятия’ (*нюхать*). Более того, в классификационной клетке ‘восприниматься’ глагол *пахнуть* единственный. Остальные чувства обозначаются только перифрастически – *быть видным, быть слышимым, быть на вкус, быть на ощупь* [2, с. 357-358]. С другой стороны, русский язык совершенно лишен специализированных слов, фиксирующих признаки запаха, в отличие от зрительных (*красный, оранжевый* и т.д.), слуховых (*громкий, тихий*), вкусовых (*кислый, сладкий, соленый*) и тактильных (*мягкий, жесткий*) впечатлений.

Когнитивный анализ пытается понять логику коллективного бессознательного, что весьма трудоемкое занятие, требующее огромных и далеко не всегда результативных интеллектуальных усилий. Семантика отнюдь не принадлежит к тем областям гуманитарной науки, в которых кто красноречивей, тот и прав. Р.М. Фрумкина замечает: «...Удачные объяснения почему-то *убедительно* выглядят у А. Вежбицкой и Е. Рахилиной, но *неубедительно* – у многих других исследователей» [12].

Выявить ценности, стоящие за системой языка и его употреблением, тоже далеко не всегда просто. Это требует зоркости носителя языка и владения лингвистическими методиками профессионала, без чего исследование лишится глубины или даже адекватности. Например, аксиологические компоненты поверхностной и глубинной, не отраженной в словарной дефиниции семантики, бывают разными по знаку. Глагол *сетовать* одновременно выражает отрицательную ценность (‘жаловаться БЕЗ НАДЕЖДЫ на исправление положения дел’) и положительную (‘жаловаться В НАДЕЖДЕ на понимание и сочувствие’).

Подлинная мотивация и оценка говорящего могут противоречить актуально сказанному, поэтому аксиологическая лингвистика немыслима без инструментария прагматики и теории речевых актов. Семантика предложения (текста) содержит факультативные компоненты – импликации и следствия, отражающие систему ценностей автора или его частную оценку определенного явления. Задача исследователя корректным образом ее вывести, т.е. установить цель адресанта.

Однако есть ситуации, когда сделать это принципиально невозможно. Языковые высказывания могут содержать неустранимую никаким контекстуальным окружением иллюкутивную неоднозначность. А.К. Жолковский рассказывает о своем друге, известном лингвисте И.А. Мельчуге: «Еще совсем молодой Мельчук делает доклад в Институте, проповедует в храме. Почтенная старая лингвистка, профессор, доктор, и прочая, и прочая, что-то спрашивает. “Очень, очень неглупый вопрос, – удивленно констатирует Мельчук. – Сейчас отвечу”» [6]. Коммуникативная установка И.А. Мельчука допускает несколько объяснений. Причинами столь дерзкого речевого акта могут быть признаны бестактность, наглость, плохое воспитание, рассеянность от погруженности в доклад, следование принципам научной беспристрастности (если вопрос действительно неглупый, почему бы это не подчеркнуть), наконец, просто искренняя похвала человека не от мира сего.

Интерпретации могут быть как альтернативными, так взаимодополняющими. Например, возможны следующие трактовки фразы *Я вам русским языком говорю (объясняю)*:

1) говорящий недоволен непонятливостью, упрямством или назойливостью собеседника. Из этой наиболее поверхностной интерпретации выводится ценностная диада с акцентом на антиценности: плохо, когда человек не понимает с первого раза (непонятливость); плохо, когда человек вопреки логике обстоятельств настаивает на своём (упрямство); плохо, когда человек повторяет попытки добиться своей цели после объяснения их неправомерности (назойливость);

2) статус коммуникантов одинаков или выше у адресанта. Фраза отражает ценности русского общества, в котором большое значение имеет иерархия, в частности, социальная (возраст, уровень образования) или административная статусность собеседников. Человек может допустить подобное высказывание по отношению к подчиненному или коллеге, но не к начальнику. Из этой интерпретации выводится ценностная диада: хорошо, когда люди чувствуют и соблюдают негласное иерархическое статус-кво; плохо, когда люди не чувствуют и / или не соблюдают негласное иерархическое статус-кво.

3) русская лингвокультура допускает достаточно категоричные высказывания, которые в иных лингвокультурах будут иметь специфику или оцениваться как грубость. В США бытует аналогичное выражение *I'm telling you in plain English...* (букв. «Я говорю тебе на простом английском...»). Так может сказать начальник (хозяин) – подчиненному (работнику), клиент – представителю компании. Подобное выражение в устах служащего, находящегося при исполнении обязанностей, звучит грубо. В России адресация скорее обратная – от официального лица к социально не маркированному коммуниканту (продавец → покупателю, чиновник → посетителю). Узус объективно свидетельствует, что у нас коммерческий принцип *клиент всегда прав* – декларация, в США – реальность.

Из данной интерпретации выводится диада: хорошо, когда человек допускает приемлемую вербальную жесткость в случаях, где нормативный уровень корректности не приводит к коммуникативному успеху; плохо (нежелательно), когда человек не допускает приемлемой вербальной жесткости в случаях, где нормативный уровень корректности не приводит к коммуникативному успеху.

Конструирование модели человека вполне может быть ограничено данными языка. Однако в этом случае исследователь, строго говоря, лишается морального права делать далеко идущие выводы о ценностях культуры и национального характера. Дело в том, что язык содержит реликтовые элементы, лишённые актуального содержания для современных

его носителей и сохраняющиеся лишь в силу инерции языковой системы. Специфичный русский концепт «душа» всё-таки имеет несколько иное содержание, чем в дореволюционное время. Слово *душа* продолжает очень активную жизнь в языке, хотя современных русских людей вряд ли можно считать особо религиозными (*жить душа в душу, поговорить по душам, душа поет, крик души, излить душу, родственные души*). Актуальность концепта «душа» объясняется свойственной русским тягой к неформальным, личностно-доверительным контактам, приоритетом эмоциональной стороны общения перед интеллектуальной. Максимальная правдоподобность (абдуктивность) лингвоаксиологических гипотез определяется наличием выводов, обладающих наибольшей объяснительной силой в рамках триады «язык – национальный характер – культура» и коррелирующих с результатами авторитетных работ в области лингвистики и других наук (Подробнее см. [11]). Априори необходимо принять во внимание некоторую противоречивость языковых, этнопсихологических и культурологических данных, не во всём согласных как внутри своей области, так и между собой.

Очень часты случаи некорректной межкультурной интерпретации. Западноевропейцы и американцы отмечают неулыбчивость русских, нелестно интерпретируя ее как мрачность, пессимистичность, подозрительность, недоброту и т.п. Это ошибка, вызванная провинциальным этноцентризмом: не такой, как мы, значит, хуже, чем мы.

Точно так же следует квалифицировать характеристику постоянного оптимизма и пессимизма русским интернетовским форумчанином: *Хронический пессимизм – это натура, хронический оптимизм – уже диагноз*. Для русского пессимизм – органичное свойство определенного типа личности. Перманентный оптимизм – нечто привнесенное в природу человека как болезнь. Русские ждут искренности, люди Запада – толерантности, выражение которой оценивается через призму русской лингвокультуры отрицательно: *дежурная улыбка, вежливая улыбка, искусственная улыбка* лишены подлинного чувства и живой симпатии.

Остановимся на оппозиции «оптимизм vs пессимизм», которая подспудно содержит и многие другие смыслы. Русские стремятся подчеркнуть «добро» (например, радость) и нейтрализовать «зло» (например, огорчение). Это можно описать в терминах американского когнитивиста Л. Талми *фон* и *фигура*. В фон входит исходная информация, фигура сообщает нечто более значимое, чем фон. Жизненные скорби – *фон*, радость – *фигура*. Выражение *немного огорчились* смягчает случившееся: огорчение – факт, но это не беда, потому что ничего страшного собственно не случилось. Псевдоантонимическое выражение *немного порадовались* не фиксирует, как ожидается, меньшее чувство радости, а наоборот, оттеняет радость на фоне обиденной жизни. Лингвистическим доказательством чего служит возможность / невозможность логического акцента на слове *немного*: *Мы немного* ↓ *огорчились* и *Мы* ↓ *немного огорчились* и; *Мы немного* ↓ *порадовались*, но * *Мы* ↓ *немного порадовались*.

Слова *грусть* и *радость* различаются способностью к квантификации: *У меня сразу две радости* – * *У меня сразу две грусти*. Положительное состояние осмысливается как событие или вещь, чем фактически указывается на его источник. Грусть гораздо более часто беспричинна, чем радость, и в этом своем качестве более естественное состояние человека. Печаль квантифицируема, так как на фоне «нормативной» грусти выглядит уже некоторой «аномалией». Вероятно, именно поэтому язык и концептуализирует ее как исчисляемую сущность (*две печали; утоли мои печали*) подобно положительной «аномалии» – радости: *...Та глубокая печаль – печаль о не своем горе, которая была начертана на этом лице, ... была так гармонически слита с ее личною, собственною ее печалью, до такой степени эти две печали, сливаясь, делали ее одну, ... что при одном взгляде на нее всякое «страдание» теряло свои пугающие стороны* (Г. Успенский; НКРЯ).

Приведем еще несколько языковых примеров особого внимания русских к позитивной стороне явлений в ущерб негативным. Верх, наверное, в любой культуре традиционно

осмыслен положительно, низ отрицательно. Предлог *на* связан с условным верхом, предлог *с* – с низом. Русские *пьют с горя* (чаще) и *на радостях*. Это выясняет когнитивист. Лингвоаксиологию интересует другое. Русское языковое сознание дополнительно маркирует положительную причину для выпивки нетипичным для абстрактного имени множественным числом – *выпить на радостях*. Грамматический интенсификатор призван подчеркнуть значимость желаемого события. Наименования противоположных состояний не допускают форм множественного числа в подобных случаях: * *выпить с горей*, * *выпить с тоск*.

Русские беспричинно грустны, но это не беспросветный пессимизм. Язык разрешает *светлую грусть*, *светлую печаль* и даже *светлую тоску*: *Что-то общее связывало этих людей, какая-то светлая тоска сидела в них, вспугнуто проявляясь* (А. Азольский; НКРЯ); *Никогда потом ни от чьего пения, даже от пения Фигнера, не переживал я такой поднимающей волны поэзии и светлой тоски* (В. Вересаев; НКРЯ). Тоска бывает *сладкой* и уживается со счастьем: *В словах чувствовалась грусть, вечернее настроение, сладкая тоска по несбыточному* (В. Липатов; НКРЯ); *Кити присела к ней на скамью, прижалась к душистой седой коре, и вот уж ей хочется смеяться, плакать и замирать от счастья; сладкая тоска запела на душе, примчавшись с лугов вздыхающей сиротливо песней* (Б. Садовский; НКРЯ).

Симптоматичны для нашего сюжета семантические ограничения сочетаемости суффикса *-оват-* со значением ‘меньшая интенсивность признака названного производящей основой’. Он свободно присоединяется к основам, называющим отрицательный, в широком смысле, признак: *тяжеловатый чемодан* (* *легковатый*), *плоховатая погода* (* *хорошеватая*), *грустноватый* (* *радостноватый*) и т.п. В то же время имена положительных явлений сочетаются с суффиксами превосходной степени в тех случаях, где сочетаемость с отрицательными номинациями запрещена: *глубокий ум* – *глубочайший ум*; но *мелкий ум* – Ø. Лакуна, возможно, объясняется омонимией: *маленький* – *мельчайший*, *мелкий* – аналитическая форма *самый мелкий*. Ср. в НКРЯ: *грустнейший* (во всех падежах единственного числа) – 2 вхождения, *радостнейший* – 19 (правда, 14 случаев употреблений принадлежат одному автору – архиепископу Платону (Левшину)).

Для русских страдание – форма солидаризации с миром. Страдания окупаются: *Надо как-нибудь выстрадать вновь наше будущее счастье; купить его какими-нибудь новыми муками. Страданием все очищается* («Униженные и оскорбленные»); *Потому страданье, Родион Романович, великая вещь; вы не глядите на то, что я отолстел, нужды нет, зато знаю; не смейтесь над этим, в страдании есть идея* («Преступление и наказание»).

Страдание – ценность, потому что неэтично быть счастливым, пока есть страдающие. Надежда – сверхценность, но это надежда не на себя, а на Бога, судьбу, обстоятельства, помощь людей. Моральное сознание русских не допускает абсолютного негатива и безнадежности. Русский язык выработал специальную конструкцию для оправдания человека, события или ситуации в тех случаях, когда ничего «доброе» в них непосредственным наблюдением не обнаруживается. Союз *зато* является средством выражения мелиоративных смысловых отношений между фрагментами текста: *«Зато он человек хороший», – говорят про жениха, который выглядит явным ничтожеством* (С. Довлатов). Ироничный интернетовский заголовок играет на этой склонности русских хвалить там, где только можно: *Женатый гомосексуалист: «Зато он человек хороший»*. Примечательно, что среди пяти типов мужей, выделяемых интернетовским источником, три включают *зато*: 1) *красивый и богатый*; 2) *зато богатый*; 3) *зато красивый*; 4) *зато не пьёт*; 5) *остальные* (<http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=716900>).

В грамматике кристаллизируются стандартные ситуации, значит, ментальный поиск хорошего в плохом действительно типичен для русских. Добавим, что при всей своей категоричности в области этических суждений русские высоко ценят снисходительность к человеческим немощам. Не случайно камертон русского самосознания А.С. Пушкин именно эту черту национального характера увидел одной из причин своей посмертной славы: *И*

долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал, Что в мой жестокий век восславил я свободу И милость к падшим призывал.

Русские обостренно чувствительны к конфликту Должного и Сущего. «Добро» – желаемая норма, «зло» – реальная, поэтому русский характер – это скорее трезвый реализм и сострадательность, чем пессимизм и мрачная ожесточенность. Ценностью для русских является оптимистично-добродушное отношение к жизни. Ю.Д. Апресян обратил внимание: «Интересна асимметрия этих двух начал: добра в человеке, в соответствии с русской языковой картиной мира, в целом больше, чем зла, потому что по другую сторону от нейтральной воли нет антагонистичного совести злого начала» [2, с. 354].

Хорошее язык подчеркивает, плохое затушевывает. Это вполне согласуется с наблюдением Н.Д. Арутюновой: «В области аксиологических понятий... норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает скорее с ее позитивным краем» [3, с. 235]. Язык фиксирует аномалии, именно поэтому негативных номинаций в языках мира больше, чем положительных. Русский язык не только стремится избежать интенсификаторов «зла», но и сосредотачивает на нем внимание как на отклонении от нормы. Например, глагол *грешить* не имеет однословного антонима.

Вследствие допустимости альтернативных интерпретаций языковых фактов, серьезных проблем со сбором доказательной базы и ее формализации, образ человека, реконструируемый в отдельной работе, почти обречен на неполноту и субъективность. Неизбежность самим положением вещей возводит отсутствие строгой верификации в ранг фундаментального методологического принципа антропоцентрической лингвистики. Так что трудность анализа должна не обескураживать, а дисциплинировать молодого исследователя, помогая ему оттачивать методическую технику и аргументацию.

Наиболее общим методологическим принципом при работе со столь сложным и противоречивым материалом, как язык, национальный характер и ценности культуры, будет стандартное научное требование – богатая эмпирия и осторожные обобщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Ю.И. Системная дифференциация. Экспериментальный и теоретический анализ / Ю.И. Александров // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 4. – М.: ИП РАН, 2009.
2. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография: – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова – М.: Наука, 1988. – 341 с.
4. Бабаева, Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира / Е.В. Бабаева // <http://31f.ru/dissertation/page,1,11-dissertaciya-lingvokulturologicheskie-xarakteristiki-russkoj-i-nemeckoj-aksiologicheskix-kartin-mira.html>.
5. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
6. Жолковский, А.К. О Мельчуке / А.К. Жолковский // <http://pco.iis.nsk.su/simics/informatics/fet/zholkov.htm>.
7. Ивин, А.А. Аксиология / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
8. Калинина, Л.В. Образ человека рубежа XX-XXI веков в зеркале языковых и социальных процессов: монография / Л.В. Калинина. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – 190 с.
9. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166-205; <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>.

10. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.; http://www.islu.ru/files/rar/2011/Professores/serebrennikova/etnosemiometriya_cennostnyh_smyslov.pdf.
11. Павлов, С.Г. Антропологическая лингвистика: Методология междисциплинарного исследования: Учебно-методическое пособие / С.Г. Павлов. – Н. Новгород: НГПУ, 2008. – 78 с.
12. Фрумкина, Р.М. Психоллингвистика как проект / Р.М. Фрумкина // <http://www.polit.ru/article/2009/06/15/psyling/>.
13. Черняк, Е.М. Добрачное поведение молодежи как фактор стабильности семьи / Е.М. Черняк // http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1573.

© Павлов С.Г., 2013